

Вячеслав Вячеслав
(мисабело)

15.11.06,

Независимая газ. - 2006. - 15 нояб. - 47.

«Бог — это наше все»

Однако насадить веру силой невозможно, считает писатель Вячеслав Пьецух

Надежда Муравьева

Вячеслав Пьецух — известный российский писатель, член ПЕН-клуба, автор книг о «загадочной» русской душе. Его произведения проникнуты иронией и живым мистическим чувством. Недаром один из зарубежных исследователей его творчества создал труд под названием «Бог в прозе Вячеслава Пьецуха».

Накануне юбилея писателя наш корреспондент встретился с Вячеславом Алексеевичем, чтобы побеседовать с ним об удивительном феномене России.

— Вячеслав Алексеевич, в наше время, когда все говорят о «возрождении России», термины «святая», «мистическая» в применении к русской душе сделались для нас привычными. Как вы трактуете саму идею «святости» Руси и русского человека?

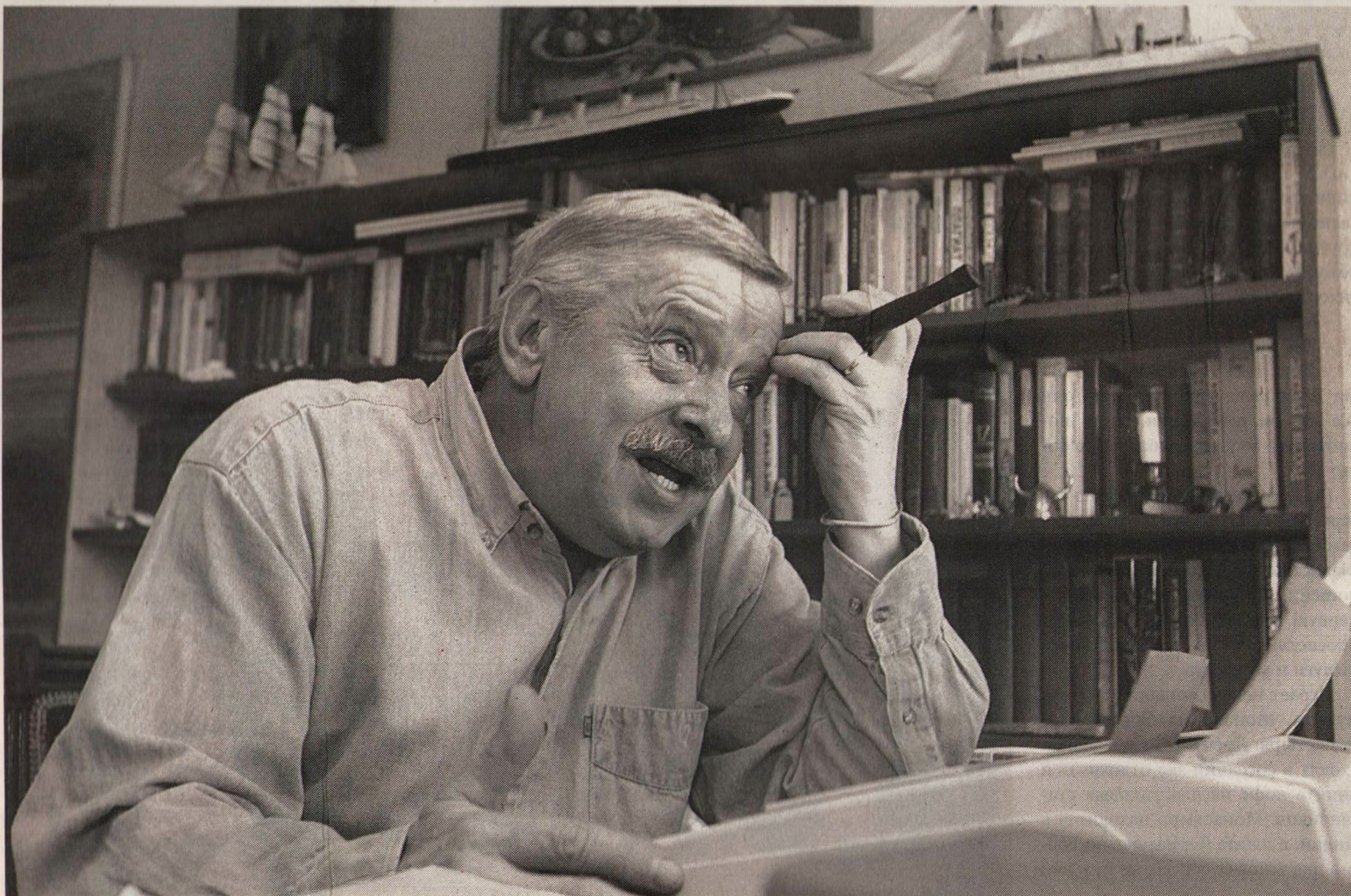
— Идея святости происходит от комплекса неполноценности, которым мы страдаем с Петровских времен. Она происходит от неразрешимого противоречия между европейским способом нашего мышления и азиатским способом бытия. Отсюда и берутся такие крайности, как понятие «святая Русь», «архангельские поморы научили голландцев строить корабли», «что русскому здорово, то немцу смерть». И все же Россия — понятие не геополитическое и не географическое, а скорее действительно какое-то мистическое.

— И как с этим быть писателю?

— Писателю ничего не приходится придумывать — проза у него валется под ногами, только подбирай.

Можно сказать, что, с одной стороны, Россия — это черно-белая страна, населенная очень исковерканными людьми. А с другой — мы все же имеем право говорить об исключительности русского человека. Потому у нас и величайшая литература всех времен и народов.

— Какое взаимодействие с потусторонними силами происходит в русском сознании? Какие все-таки приоритеты у русского человека: нечисть или Церковь?

Вячеслав Пьецух: «Труд, семья и Бог по воскресеньям — тригонометрия, не устраивающая русского человека».

Фото Бориса Бабанова (НГ-фото)

— Поскольку жизнь в России постоянно очень тяжела и обретается в узком диапазоне между «плохо» и «очень плохо», то нужна ему какая-то соломинка, чтобы существовать. У романо-германца это может быть труд, семья и Бог по воскресеньям.

Церковь становится опасной, когда ей хорошо

...ням. А русского человека испокон веков эта тригонометрия не удовлетворяла.

Отсюда некоторые особенности нашего вероисповедания, практикующие давно забытое на Западе средневековье. Столпничество, старчество, необыкновенно разветвленное сектанство, например хлыстовство и скопчество. И наряду с этим суеве-

...ие как национальная черта, возведенная в квадрат... Если муж пьет, то одна надежда на отворот, приворот

или на порошок из мышиных хвостов. Но только не на Церковь.

— Значит, Церковь проигрывает суевециям?

— Сейчас Церковь вообще за гранью обычной жизни. И изменить эту ситуацию, возродить то религиозное чувство, которое было у русских людей, я думаю, невозможно. Это воспитывается тысячелетиями.

— Если это чувство было, то как же случилось, что оно исчезло?

— Это необъяснимо. Мальчики и девочки, которых матери до 1917 года водили к обедне в сельскую церковь, чуть оперившись, принялись ничтожно сумнящиеся расстреливать попов...

— По статистике, огромное число расстрельщиков происходило из

священнических семей. Тоже своеобразная реакция на психологическое давление. Вот и выросли этикие атеисты...

— Может быть... Но для меня атеизм — все же понятие размытое. Я до сих пор не могу понять, что же такое вера. Что это слово обозначает? Я, например, не «верю» в четверг, я знаю, что он будет. Таково и отношение нормального культурного человека к Богу.

Я знаю, что Он есть. И это естественно находит отражение в том, что я пишу. Даже вот такой казус: приезжал ко мне недавно профессор из Новой Зеландии, который занимается темой «Бог в прозе Вячеслава Пьецуха».

— И каким видит профессор Бога в вашей прозе?

— Скажем так: он квалифицированный читатель и поэтому лишних вопросов не задает. Но я успел понять, что для него понятие «Бог» близко к понятиям «рок», «судьба».

— А для вас Бог — что? Тоже рок или та самая «соломинка», за которую хватается русский человек?

— Для меня Бог — это наше все. Это не вопрос веры, а вопрос знания. Я могу верить или не верить в вечную жизнь. Но для меня «вечная жизнь» и «ложе Авраамово» — это совсем не то же самое, что бытие Божие. Равно как и то, что называется верой, — не одно и то же, что Православная, Католическая или протестантские Церкви.

— А что все-таки происходит с Церковью именно здесь, в России?

— Дело в том, что социалистический эксперимент, которому мы подвергались в течение семидесяти лет, — это тоже своеобразный общинно-религиозный способ бытия. «Общественное выше личного» — это же приходская идеология! И вдруг все рушится, как обрушилось раньше в 1917 году.

Двойное крушение Церкви — это вынесет не всякая психика. Сначала отобрали одну Церковь, затем другую. И мучатся люди. И на этом фоне появились тучи предприимчивых молодых людей и сбрендивших домохозяек, авторов и потребителей безумных романов и сериалов. Это овцы без пастыря, который поинтересуется не скоро.

— А как вы относитесь к тому, что в России предпринимаются попытки на официальном уровне внедрить православные идеи: к примеру, преподавание «Основ православной культуры» в школах и т.д.?

— К желанному результату это, я думаю, не приведет. Это достаточно наивная политика. Насадить веру невозможно.

И вообще Церковь становится опасной, когда ей хорошо. Она свята, непогрешима и благодетельна, когда ей плохо.